

Голубая твердь

Женя: «Мне ясно, куда идти и за что бороться: нужно ежесекундно расширять свое сознание, совершенствуясь неустанно. Человек должен жить для других людей. Когда каждый будет думать о другом, вопроса, как жить для других, — в соответствии с их желаниями или как ты считаешь нужным, — такого вопроса не возникает. Тогда возникает община — всех ради всех».

«3-я концессия». Л. 1987. *Рукопись*

Была небольшая пьянка в Жениной мастерской после заседания совета Товарищества, я сидела рядом с Женей и услышала от него, что он живет добром. Только добром. И чтобы я приходила сюда, когда мне будет плохо. «Тут тебе всегда помогут».

Во мне истерика сделалась от этих слов.

Научная справка: истерика — это когда психика не может выдержать двух противоположных потоков эмоций. В этом случае она означала, что дальнейшее мне ясно: я ему сейчас не верю, но знаю, что соблазн проникнет в меня. И потом — не скоро — я непременно приду. Не за помощью — за участием. И участия не получу.

Среди немногих твердых жизненных выводов — из тех, что меня не подводили, — есть такой: от людей, которые говорят о добре, не нужно его ждать. От них вообще лучше держаться подальше.

Но когда о добре заговорил Женя, я увидела, что у него лицо святого.

И все-таки ждать от него участия не приходилось — из-за неподвижности этого лица и еще больше из-за его картин. Там мир застыл — если это можно назвать миром. Скорее, только конструкция. В его картинах нет ничего агрессивного или жестокого, но нет и живого, нет возможности для сострадания. Ведь со-страдание — это душевное движение под действием чужого страдания.

И что за самомнение думать, что он МОЖЕТ помочь? Что за душевная неискренность — в тридцать пять лет?

После этого я обратила на него внимание. И виделся мне то лик святого, то — постное и поповское.

Лицо, как на иконе: просторный лоб, тонкая длинная линия носа, крохотный рот, большая голова на узеньких покатых плечиках.

«У Жени лицо святого», — поделилась я с Ш. «Или деревенского богатея», — ответил он. А у Жени в самом деле все практические дела были в порядке — как ни у кого из неофициальных художников. Он, например, единственный известный мне из этой братии не просто где-то работал, но занимал руководящую должность и получал зарплату, на которую содержал немалую семью, включая племянников, что ли.

Теперь я забежала к нему в мастерскую — благо, это было мне по пути. Женя лучился, как солнце, ласкал улыбкой. А мне хотелось с ним поговорить. Как мне хотелось с ним поговорить именно на тему «добра». Мне хотелось понять, как это все в нем утрясается. А может, хотелось «навести порядок» и прекратить этот гипноз, обезвредить ловушку... Человек не просто добрый или мягкий по натуре, но поставивший целью делать добро, не может не

знать, как тут все неоднозначно и как сложно исполнить. Сделать добро — это скорее удача, стечение обстоятельств, которые мало зависят от воли отдельного человека. Человек, в этом искушенный, должен знать свою ограниченность обстоятельствами, и, главное, он знает ограниченность собственной натуры. Это и не позволяет говорить о добре от первого лица. Добрые по природе, как правило, мало способны на действие. Агрессивные чаще готовы на поступок и щедрость, их жертва бывает более глубока. Погруженные в добро как в некое духовное состояние оказываются не способными на сопереживание. Люди отзывчивые бывают ненадежными. И так далее. Главное, намерение тут редко совпадает с результатом. А если судить по результату, то можно вспомнить того комара, который укусом разбудил спящего пастуха и тем спас от змеи, — благодарный пастух соорудил ему надгробие с эпитафией.

Зла много в неведении — больше, чем в противоречии интересов. По крайней мере, это то зло, которое может быть исправлено. Противоположность ему — знание. Но Женя — человек не любознательный. Хотя он и говорит о «расширении сознания», я никогда не наблюдала, чтобы он стремился что-то или кого-то узнать. Он из тех, кто уже чувствует себя знающим, он уже получил всю мировую мудрость ознакомившись однажды с каким-нибудь «духовным» сочинением. Говорит он предельно обобщенно. А поскольку все дела у него в порядке, то, как художник он уже давно имел наготове свое кредо. Это даже что-то вроде теории, которую я потом видела напечатанной в искусствоведческом журнале вместе с репродукциями его работ. Там на половине странице собраны слова: «Извечные символы западных и восточных культур», «Концентрация энергии», «Слияние конечного Я художника с бесконечным космосом», «Прошлое — Настоящее — Будущее». Много слов написано с заглавной буквы. И с понятиями обращается как играющий ребенок, когда говорит: эта палочка — паровоз. А Женя: квадрат — он самый главный.

...Так же спокойно он говорил о добре — от первого лица... Проблем не было. Даже не подозревал, что могут быть. И знать об этом ничего не хотел. Мне было интересно, как это в нем укладывается — без вопросов и проблем. Мне хотелось поговорить и высказаться — и было невозможно. Не та атмосфера общения. Ему не нужно было ни разговоров, ни исследования. И так как я хотела не нужного ему, то уже чувствовала себя — просителем.

Отчасти я догадывалась, как, проповедуя добро, можно обойтись без проблем. Как это у тех, кто «встал на путь». У них есть способ облагодетельствовать каждого. Они всегда могут избавить тебя от всех бед — предложив встать на путь. Пригласив на путь. А если не хочешь, то кто тебе виноват? Пеняй на себя.

И все же он меня соблазнил. У меня завязались с ним можно сказать нежные отношения, состоящие из его ласкающей улыбки, обещающих слов и моей соблазненности всем этим. Ибо все-таки предлагал он то, чем жив человек.

Но часто он ставил меня в тупик. Например, обнаружилось, что он считает меня своей ученицей. Или еще — я прихожу, он мне говорит: я занимаюсь самоусовершенствованием. Тихо и серьезно. Женя благочестив, в этом не сомневаюсь, он не шутит. И тут меня поразила мысль: есть люди, не читавшие Пушкина. Я както раньше этого не осознавала. Это племя наивов, не прошедшее пушкинской фазы развития русского сознания. Этот краеугольный камень культуры двух последних столетий отсутствует в их психике. Пушкинская работа осталась для них не проделанной.

Потому и ставит Женя в тупик.

При этом он объявлял себя учеником Рериха — провозгласившего спасение через культуру.

...Однако оказалось, что «спасение через культуру» понимается Женей не как необходимость ему приобщиться к ней, но только то, что он, художник, и есть та культурная ценность, через которую мир спасется.

В закутке мастерской, представляющей его кабинет, висело несколько из рук вон плохих картин. Красовались совсем никуда не годные поделки его знакомых экстрасенсов. Занятия оккультными науками почему-то непременно сопровождаются дурным вкусом. Я понимала,

что эта живопись находится здесь не потому, что нравится Жене,— просто он так выражает свою доброту.

Добро добром, но ведь он художник. И как художник должен страдать при виде плохой живописи. Он не должен ее выносить.

В то время Женя был одним из организаторов выставок Товарищества. Он работал в выставкоме. Собственно, он был там тих. Я почти не помню его проявлений. Не буду перехлестывать — на памяти у меня только один случай, когда он принялся отстаивать работу таким образом: «Нужно быть добрыми, хорошо относиться к людям».

Он был тих, но, по существу, очень активен — подпольно. Только задним числом я поняла его значение. Именно он входил в отношения с художниками из других городов — слабыми, но как бы «авангардными», и внедрял их на выставки. Он делал это незаметно, рыл как крот, на поверхности шумел другой человек, и всем казалось, что эти люди появились благодаря ему. Но этот человек просто умел всем пользоваться, использовал он и эту Женину склонность, чтоб оповещать при всяком удобном случае, что Товарищество — это организация, объединяющая художников из многих городов Союза, что это единственная организация, выставляющая художников из других городов... Потом обнаружилось, что и множество ленинградцев привлечено именно Женей. Вот только среди привлеченных им оказалось мало серьезного. Некоторые ветераны движения внушали мне, что это линия КГБ — залить выставки неофициального искусства потоком слабых художников и тем дискредитировать. А выходит — это Женя сколачивал себе рериховскую общину.

...Уют-то душевный таким образом по крайней мере себе сколотил, ибо был в результате окружен множеством расположенных к нему сподвижников.

Поскольку я считала, что выставки должны быть хорошими — на плохих нет условий для восприятия живописи, — у нас с Женей возникал спор. В этом споре я оказывалась в роли человека злого. Женя начинал (вопреки очевидности) доказывать, что такой-то — прекрасный человек. Искусство по природе своей жестоко, пыталась возразить я Жене, ибо это отбор и сфера самого обнаженного самолюбия. То, что искусство жестоко, воспринималось Женей только как дичь. Для Жени искусство — это Путь, на который каждому полезно вступить. И направить на него человека — это помочь ему.

И чем больше людей на него вступит, тем, вероятно, скорее мир спасется через культуру.

Путь. Добро путешественника (Рерих, путешественник с деревянным лицом). Шел мимо, погладил по голове, сказал доброе слово и — дальше. Кто спросит за последствия? Ты в своем пути.

Мы хотим для себя добра не случайного и ждать его можем от тех, кому мы нужны. Мы стараемся для тех, кто нам нужен,— но о таком добре не говорим от первого лица. И хотим получать добро не как милостыню, которой не насытишься, но в обмен на собственную нужность. Нам нужно быть нужными.

Маленькая притча. У одинокой Ленины Никитиной есть любимый кот Лева, ее друг. Для него она держит жену, и раз в четыре месяца появляются котята, к чему Ленина относится торжественно, ибо животным Бог заповедовал плодиться и размножаться. Котят она раздает на рынке с приложением паспорта, в котором: нарисованные ею портреты родителей, цитата о пользе кошек для здоровья и ее адрес — на случай, если от котенка захотят избавиться. И вот как-то ей принесли годовалого кота, что привело в душевное расстройство ее Леву. Зайдя к ней, я нашла ее в трагическом настроении: ей не нужен второй кот, она боялась кровосмешения, и Лева пятье сутки не спускался с антресолей.

Эту историю я рассказала Жене. И он порешил: пусть кот живет в его мастерской. Я обрадовалась и помчалась к Ленине. Но не тут-то было. Она сказала: «Если б ему нужен был кот. А так — вы его просто уговорили». Ленина, опытный в любви человек, понимала, что коту будет хорошо только там, где он нужен. Женино добро ее не устраивало.

...Но можно ли быть нужной Жене? Он сказал, что всякий день чувствует себя любимым, обласканным Богом. Можно ли быть нужной человеку, у которого роман с Богом?

Вот почему я с мучением воспринимала Женины обещающие слова. И было странно: меня мучил светлый Женя. Я уже думала: как это так? И я видела: приближаясь к Жене, вступая в контакт с его мироощущением и окружением, я войду в круг понятий, в котором мир делиться на Бога и Дьявола, на праведников и одержимых бесами. В Жене — свет, безмятежность, благолепие, во мне смятение и, значит, — бесы. Сделай я еще шаг к нему, войди в этот круг, и у меня, не моргнув глазом, отнимут последнее и главное.

Между тем Женя мог без особого труда сделать то, что сулил: мог облегчить боль и тем самым жизнь. Может быть — исцелить. В тяжелую минуту возможность выговориться — вот все, что нужно мне от другого человека. Нет ведь ни психотерапевта, ни духовника, и потому хотим этого от друзей. В тяжелую минуту необходимо, чтобы кто-то послушал, был немного внимателен и хотя бы не обвинял.

Но другому человеку обычно совершенно ни к чему твои страдания, если ты сам не нужен, а часто и если нужен. Они могут быть только обузой, которую человек не хочет или не в силах взять на себя. Факт отказа в сочувствии так банален и понятен, что не заслуживал бы поминания, если б Женя не лучился, как солнце, и не предлагал любви.

«Тяжесть нужно брать на себя. Нужно делать так, чтобы окружающим было легче», — только и сказал очерстневший лицом Женя, когда у меня все же прорвался клапан. — «Но у меня нет никаких окружающих». — «Ну, мне».

То была кульминация и развязка.

Прошу не подозревать, что был тут хоть какой-то оттенок романа. К таким соблазнам Женя не располагал. Он соблазнил словами о человеческой, скажем, христианской любви, любви князя Мышкина.

Лучился, как солнце. Правда, как прохладное, апрельское солнце. Лицо — икона. И вот я думала о тех, кто иконы писал — люди же их писали. А если б к такому прийти со своей болью... Или тоже прогнал бы, храня душевное равновесие?

Видела же я в некоторые минуты его лицо — ликом святого. Или это был мираж? Или это только отсутствие чувства вины, безмятежность, довольство собой?

Жить в добре — словно это не отношение, а некая субстанция. И чувствовать себя добрым.

Сейчас мне трудно дать себе отчет, но в то время мне и работы его нравились. И кажется, что именно тогда у него работы были лучше, чем до и после. Вначале я видела в них только довольно талантливую оформилровку. В последних вижу нечто слащавое и анемичное. Но был период, когда его картины были наполнены для меня тихим, недвижимым светом, неживой, но все же благодатью.

Собственно, он и жизнь хотел превратить в нечто подобное своей картине — в нечто искусственно сконструированное, расчерченное, в мир, свойства которого определялись бы волей художника. Он тем и занимался — конструировал окружение.

Еще замечание: Женя — человек, с неприязнью отнесшийся к перестройке в самом ее начале. Он был приспособлен к жизни. На работе ему не приходилось представлять из себя что-то, чем он не был. Картины потихонечку продавал. Душевный уют себе создал. Семью содержал. И спокойно верил в грядущую общину — в новое обобществление умов.